

Стокгольмский синдром для управленцев и не только

Постоянно общаюсь с молодыми и не очень людьми, которые ездят на учебу, обмен опытом, стажировки в зарубежные компании. Слов нет, такие поездки бывают полезны. Но вот вопрос, насколько?

Помню на заре становления рыночных отношений мы с огромным уважением смотрели на людей, которые уверенно произносили незнакомые слова: маркетинг, менеджмент. Тогда многое было откровением, открытием нового мира управления, в котором, как нам казалось, наша роль – быть только послушными учениками, ловящими каждое слово иностранных гуру. Любой приехавший из Америки казался пришельцем из другого мира, владеющим сокровенными знаниями.

С той поры утекло много воды. Мы сами уже учим тому же самому, причем адаптированному к нашим российским условиям, т.е. лучше. Почему же до сих пор с таким пиететом многие относятся к стажировкам за рубежом? Даже в анкетах преподавателей есть такая графа.

Разговариваю с двумя очень толковыми молодыми руководителями в регионе. Недавно вернулись из стажировки в США. Спрашиваю, что было нового, интересного. Оказалось, кроме формата презентации и вспомнить особо нечего. Другой пример – на отраслевом форуме одного министерства (не буду его называть, так как случай типичный), посвященном использованию инноваций, выступает руководитель департамента министерства с рассказом об ознакомительной поездке во Францию. Сыплет цифрами: во Франции столько-то инновационных компаний, столько-то технопарков и т.п. Но ведь об этом можно узнать и без поездки. Спрашиваю, что из зарубежного опыта можно использовать у нас? Молчит, так как об этом, судя по всему, даже не задумывался.

Когда-то и я сам, только ознакомившись с появившимся у нас переводом Стандарта РМІ, был восхищен тем, как в нем структурированы понятия управления проектами. И только позже, пытаясь использовать его элементы в своей управленческой практике, понял, что это, во-первых, не стандарт, а во-вторых, его никак нельзя использовать в том виде, как есть, в российской практике. А у нас ведь накоплен огромный управленческий опыт, который почему-то часто забывается.

На лекции привожу пример выделения этапов проекта. Слушатели (если они имеют управленческий опыт) восхищены – это как раз то, чего им не доставало в своих проектах. Спрашивают: это разработано в Вашей компании? Отвечаю: да, это великое достижение моей компании, которое заключается в том, что мы взяли, открыли советский ГОСТ и начали использовать то, что там регламентировано!

Внедрял проектное управление в одной бюджетной организации на основе Корпоративного Стандарта управления проектами (КСУП). Очень доставали два требования: документы должны быть апробированы в иностранной компании и должен быть отзыв иностранного специалиста.

Ну, хорошо, у меня есть опыт внедрения в нескольких иностранных компаниях, причем не на территории России, повезло. А если бы не было? А иностранный специалист так ли уж хорошо понимает особенности использования у нас проектного управления?

А не пора ли нам перестать преклоняться перед чужим опытом? Ведь у нас уже есть и собственные примеры, которые можно изучать и перенимать.

Есть и еще один момент. Существует понятие «стокгольмский синдром», термин популярной психологии, описывающий защитно-подсознательную травматическую связь, взаимную или одностороннюю симпатию, возникающую между жертвой и агрессором в процессе захвата, похищения и/или применения (или угрозы применения) насилия. Под

воздействием сильного шока заложники начинают сочувствовать своим захватчикам, оправдывать их действия, и, в конечном счёте, отождествлять себя с ними, перенимая их идеи и считая свою жертву необходимой для достижения «общей» цели.

Так вот, у меня есть ощущение, что у многих из тех, кто проходил стажировку, в частности, в Америке, появился своеобразный аналог стокгольмского синдрома. Иначе чем объяснить тот факт, что у них пропадает желание критиковать Америку (хотя более чем есть за что), возникает ощущение близости с нею, желание оправдать ее действия и т.п., т.е. своеобразный стокгольмский синдром менеджера. А у тех, кто там работает и подавно, ощущение второй родины.

На мой взгляд, проблема достаточно значительна, чтобы ею пренебрегать. Ни в коем случае не призываю прерывать деловые поездки, контакты и т.п. Но вот задуматься о том, все ли они нам нужны, какова их эффективность, что эти поездки дают России, необходимо.

К тому же у меня появляется ощущение, что еще от Петра Великого у многих появилось почти генетическое преклонение перед всем иностранным. Как говорил великий комбинатор Остап Бендер, «Заграница нам поможет!». Не отсюда ли часто ощущается какое-то чувство вины, младшесть перед любым заграничным «гуру»? Услышал, как Валентина Матвиенко оправдывается по поводу обвинений в адрес России: не за что нам вводить санкции, мы не виноваты (передаю не дословно, по памяти). А у меня вопрос: почему мы должны перед кем-то оправдываться? Мы что, первоклашки, провинившиеся перед старшим родственником? Да надо просто высказать в ответ: а кто вы такие, чтобы нас судить? На себя сначала посмотрите и осудите, получите хотя бы минимальное моральное право для этого.

Еще один штрих. В профессиональной деятельности не обойтись без иностранных заимствований. Что поделать, некоторые дисциплины они смогли оформить раньше нас. Давно известно, что иностранные слова, используемые в России, часто приобретают иное звучание. Например, маркетинг. Я произношу это слово по-русски, с ударением на втором слоге, т.е. маркЕтинг. Но как-то два слушателя из разных вузов сказали мне, что им была снижена оценка по этому курсу, так как они не там делали ударение.

Ну, на мой взгляд, это вообще дикость – как бы ни произносил, лишь бы правильно понимал, тем более, что один термин в разных странах даже на русском произносятся по-разному (трансфер в России и трансферт в Казахстане). Ну и что?

По этому поводу у меня есть шутка: «мАркетинг» произносят те, кто изучил предмет в теории и за рубежом, а «маркЕтинг» те, кто использует его на практике и в России. Кстати, я выполнил достаточно много маркЕтинговых исследований по заказу крупных иностранных мАркетинговых компаний.

У одного писателя-фантаста был такой рассказ. Внеземная цивилизация с опозданием обнаружила, что звездная система (которую мы называем Солнечной системой) вот-вот взорвется и все планеты погибнут. Галактический патруль установил, что на третьей планете есть цивилизация. Срочно был послан десантный корабль, чтобы спасти хоть часть людей. Когда корабль приземлился, ни одного человека найти не удалось. Обнаружили только гигантские антенны, которые вели передачу в космос, в никуда, так как в том направлении не было обитаемых звездных систем.

Кораблю пришлось срочно стартовать. Решили следовать в направлении сигнала и через какое-то время обнаружили в открытом космосе сотни тысяч примитивных звездолетов, которые на небольшой скорости двигались к одной из планет. Как выяснилось, земляне смогли организовать массовое переселение для своего спасения.

Допотопные корабли, примитивный способ передвижения вызвали улыбки у некоторых членов галактического патруля. Но мудрый капитан сказал им: люди которые смогли в кратчайшие сроки организовать такую операцию, способны обогнать и нашу цивилизацию. Это вызвало хохот у членов экипажа – слишком различны были уровни цивилизаций.

Через 200 лет им было не до смеха.

Хочу сказать, что сейчас Россия получила уникальную возможность в условиях давления решить множество задач, которые откладывались на потом. Кстати, когда на нас кто-то давил, наша страна всегда умела справиться с силами и вырваться вперед. Уверен, нынешним нашим «партнерам», как выражаются дипломаты, лет через 5 будет не до смеха.